

ОРИГАМИ ЭЙНШТЕЙНА ИЛИ ТЕОРИЯ СМЯТОЙ БУМАГИ

ДМИТРИЙ ДЖУЛИУС

Дмитрий Джулиус

**Оригами Эйнштейна, или
Теория смятой бумаги**

Джулиус Д.

Оригами Эйнштейна, или Теория смятой бумаги / Д. Джулиус —

Один неверный шаг — и всё, что мы знали о Вселенной, теряет смысл. Разведывательная миссия на планету Новая Гея обернулась катастрофой. Четверо астронавтов оказываются заперты в мире, который играет с пространством по своим, пугающим правилам. Связь оборвана. На орбите ждет посадки ковчег с последними людьми. Чтобы выжить, первопроходцам придется постичь чудовищный закон этой планеты. Но готовы ли они узнать, что скрывается за складками времени?

Содержание

Оригами Эйнштейна или теория смятой бумаги	6
Акт 1. Гордость и предубеждение в космосе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Оригами Эйнштейна, или Теория смятой бумаги

Дмитрий Джулиус

Иллюстратор Лика Ласка

© Дмитрий Джулиус, 2026

© Лика Ласка, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-9304-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оригами Эйнштейна или теория смятой бумаги

Акт 1. Гордость и предубеждение в космосе

Капитан Марк Эллис проснулся от привкуса железа и мяты – раствор для вывода из гибернации стекал по гортани, оставляя во рту странную прохладу. В шлеме было темно, мерцали только микроскопические огоньки датчиков. Он не сразу понял, что именно дрожит: корабль или его собственные руки. Затем опора под спиной пришла в чувство, мягко выгнула ребра, и крышка криокамеры медленно ушла вверх.

Воздух в отсеке был холодным, сухим, пах химией и чем-то сладковато-стерильным. На стенках – мелкая изморозь, будто их столетний сон налетел на панель и остался здесь инеем. На миг Марк задержал дыхание и, как в детстве, посмотрел через эту изморозь, будто через дешевое стекло. Там плавали звезды. Далеко, так далеко, что от этой тишины хотелось смеяться. Хотелось какого-то праздника, и немедленно.

– Дыши глубже, – сказал он себе и почему-то добавил шепотом: – Рождество будет, когда ступим на землю.

Его голос прозвучал грубо в пустоте. Он сморгнул слезы от резкого света и разжал пальцы. Пальцы не слушались. Всё верно: сто двадцать два года пути, семьдесят восемь часов поэтапного выведения, каждая мышца – как заново родившаяся.

– Марк? – мягкий женский голос в наушнике был так близко, словно кто-то наклонился к самому уху. – Пульс в норме. Сделай десять вдохов. На восьмом не геройствуй, скажи, если закружится голова. Всё в порядке. Всё по плану.

Он кивнул, хотя она не могла этого видеть, и начал считать вдохи.

За стенкой щелкнул замок второй камеры. Алексей Волков вылезал как человек, которому надо срочно поправить что-то в мире. Он стянул маску, впился взглядом в потолок, поморщился, готовый действовать хоть сию же секунду.

– Пахнет, как будто кто-то перегрел пайку, – сказал он и чихнул. – И кто додумался ставить клапаны над подушкой, а? Мне нужно немедленно в уборную. Всё вышло? Все целы?

– Не торопись, – откликнулась Эмма. Ее голос, разнесенный по общему каналу, был все тем же – спокойным, теплым. – Привет, Алексей. Не шевелись резко.

Третьей открылась камера Лары Митчелл. Она сидела, прижавшись лопатками к краю, и дышала так, как дышат люди, впервые увидевшие океан на фото из космоса: бережно. Потом уткнулась взглядом в планшет, который держала словно молитвенник.

– Температурный градиент по кораблю скачет, – сказала она не глядя. – ИИ, мне нужен профиль. И вода. Свежая.

– Вода уже у вас, – ответил голос ИИ.

У него не было имени, поэтому его все называли просто ИИ. Или никак не называли, но он не обижался. Искусственный интеллект на разведывательном корабле играл для каждого свои роли. У Марка это был тот самый мягкий женский голос – без акцента, без возраста. У Лары – баритон с легкой хрипотцой, странно знакомый. У Алексея ИИ звучал ровно, как инструктаж на взлетной полосе. Эмма проснулась раньше всех и уже готова была встретить экипаж.

ИИ начал с основ:

– Позвольте напомнить: вы на борту разведчика «Искатель». Автоматизированная орбитальная станция-инкубатор «Арка» будет в поле зрения через восемь часов, – произнес он. – Точки посадки, предполагаемые безопасные зоны и биосреда Новой Геи обновлены по данным автономных зондов. Планета земного типа, имеется кислород и мягкие погодные условия. Вы четверо – первые, кто ступит на этот берег и принесет туда семя жизни рода человеческого.

Алексей хмыкнул, отстегивая ремни:

– Ты стихами заговорил? Спектакль для школьников.

– За сто двадцать два года абсолютной тишины я изучил всю доступную базу человеческой литературы, – невозмутимо ответил ИИ. – И пришел к выводу, что поэзия – это единственный алгоритм, способный передать суть вашего бытия. Единственный язык, понятный всем, включая синтетический разум.

– Ну-ну, философ, – буркнул Алексей.

Марк встал. Слишком быстро. Потемнение в глазах откатило приливом. Он уперся ладонями в край камеры и дождался, пока мир наконец успокоится – как ребенок ждет, что качели перестанут дергаться. Эта миссия была для него всем.

– Всем провериться у Эммы. Затем – общий сбор. ИИ, выведи внешнюю картинку на панораму. Хочу на небо посмотреть.

Космос здесь не походил на привычное небо. Скорее, черный лак с редкими, глубоко вколотыми иглами звезд. И одна из этих игл выделялась – тусклая зеленовато-голубая искра, заставившая Лару прижать ладони к стеклу.

– Это она, – выдохнула биолог. На ее лице появилась робкая улыбка, словно она произнесла имя близкого человека. – Новая Гея. Скоро мы будем там. Неужели у нас и правда появился шанс начать всё сначала?

В отсеке стало светлее. Эмма провела быстрый осмотр: давление, температурная регуляция, микротравмы слизистых, когнитивные тесты. Лицо ее было сосредоточенным – той особой сосредоточенностью людей, которые умеют беречь других. Она останавливала ладонь на запястье Марка на долю секунды дольше, чем того требовал протокол.

В ее бумажном блокноте – маленькой забаве, пахнущей клейстером, – появлялись аккуратные зубчики букв:

«Марк: тревога, стилизованная под молитву, яркое желание лидерства. Алексей: раздражение как способ вернуть контроль; характер вспыльчивый, но устойчивый к любым видам стресса. Лара: эйфория с рациональной трезвостью. Я чувствую себя хорошо. Прочитала всё о планете Новая Гея, на которую нам предстоит заселиться».

Эмма выполняла роль психолога и главного врача экспедиции.

Они собрались в круг у окна – условного, конечно. Панорамный экран теперь рисовал им планету. Издалека она казалась хрупкой: в тени – темно-синий бархат морей и ровное облачное кружево, серебро полярных сияний. У дневной стороны – зеленое сердце материков. Иногда по краю пробегали крошечные статические разряды – ИИ мягко предупредил о сильной магнитосфере.

– Если я не ошибаюсь, – Лара подалась вперед, – это не просто зеленый цвет. Видите эти пятна? Это ядра сукцессий. Тут уже сформировались сложные биомы. Азотфиксирующие – вон там, у экватора, судя по спектру. ИИ, дай линию по кислороду.

– Атмосфера в норме. Кислород двадцать один процент, углекислый газ – следы, метан – следы. Наличие активной фотосинтетической биоты подтверждено. Планета полностью пригодна для жизни, но пока это первые тесты, нужно запустить дроны для точного анализа.

– Слишком чисто, – прищурился Алексей. – Любые загрязнения? Пыль, пепел, микропластик? Неужели за миллиарды лет существования там нет никого разумней гигантских медуз?

– Ни один из известных нам маркеров антропогенного следа не обнаружен, – сказал ИИ. – О формах жизни также рано говорить, но с 98% вероятностью они там есть.

– 98% вероятности? – уточнила Эмма.

– Да. Все данные указывают на биосферу, но следов техногенной цивилизации нет.

Они помолчали. Тишина корабля была не просто отсутствием звука, она была маленьким закрытым миром – кинематографическим кадром, где каждый выучил свое место. И будто в этот кадр, как чужой, лезло слово «идеально». Оно и радовало, и пугало.

– Когда мы... уходили, – начал Марк, глядя на светлую дугу планеты, – я думал, что по-другому не выйдет. Мы были слишком увлечены собой, войнами, враньем. – Он пошевелил пальцами, и костяшки хрустнули. – Но кто-то все же вспомнил о тех, кому деньги – не всё. Слыхали: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю»? Наш меценат дал нам точку. И мы ушли.

– Ты все еще говоришь о нем как о святом, – сказал Алексей без злобы. – Он построил станцию на острове, спустил туда все свое золото – да. Хвала ему. Но он тоже был частью того мира. И, насколько ты помнишь, не захотел лететь с нами, потому что шансы, что нас сюда доставят, были меньше пятидесяти процентов.

– И всё же мы здесь. Четверо безумцев, решивших рискнуть, – и не проиграли! – радостно вставила Эмма.

– Он дал нам шанс. – Лара провела пальцем по стеклу, оставив тонкую влажную дорожку. – Восемь лет мы тренировались, пока города горели. Восемь лет учились не спорить, когда надо действовать. Я видела руки политиков в крови, которую уже не отмыть. Я слушала тишину мертвого города, где никогда не будет смеха детей. Я видела загрязненный океан, который не очистится и за сто тысяч лет. Если есть место, где природа снова может жить и дышать, я рискнула бы, будь шансы даже один к ста. Не как колонист. Как гость.

– Гость, который привез с собой целый детский сад, – усмехнулся Алексей. – Извините – ясли. Мы же привезли сюда тысячи эмбрионов, из которых вырастет целая колония. Или ты возомнила себя «новой Евой», раз участвуешь в запуске жизни?

– Не начинай, – попросила Эмма. – Она не это имела в виду. Она как биолог рада, что род человеческий не исчезнет в пучине Вселенной. Что мы продолжим жить и постараемся не допустить прежних ошибок.

Она произнесла это без укоризны. Просто напомнила, что у каждого слова есть вес.

Ясли. В вакуумной нише «Искателя» за переборкой хранились лишь контрольные капсулы, похожие на продолговатые жемчужины. Истинные же «ясли» остались на «Арке» – гигантском материнском корабле: тысячи зародышей, для которых они, четверо, должны были стать первыми руками и голосами.

Марк в редкие ночи до старта мысленно говорил с теми, кто еще не видел неба:

«Вы будете лучше нас. Между нами – сто лет дороги. Между вами – еще век до первого шага. Но вы уже есть у нас, как молитва есть до того, как ее произнесут».

– Мы будем делать все медленно и точно, – сказал он вслух. – Переход к орбите – по расписанию, стыковка с «Аркой» и посадка – только после второй проверки. Лара, сформируешь предварительный план наземных проб. Алексей – вы с ИИ в обработку данных. Эмма – разложи нам всё по полочкам и сделай так, чтобы ошибки были минимальны. ИИ...

– Я здесь, – сказала женщина в его ухе, баритон кивнул Ларе, а сухой голос отозвался Алексею: «Готов к обработке». – ...ты проявишь осторожность, которой нам всем иногда не хватает.

– Я запрограммирован на осторожность. Я осторожен как слон. – ответил ИИ.

– Я знаю, что слоны самые осторожные животные Земли, жаль, что мы не сможем вывести их на Новой Гее – сказал Марк. – Но ты тоже учишься и пока слишком мало знаешь об этой планете. Ты такой же первооткрыватель как и мы!

ИИ промолчал. Или им так показалось.

Они разошлись. В каждом движении вдруг появились привычные рельсы. Алексей направился к узлу диагностики, где плотные пучки кабелей выглядели как корни дерева. Он провел рукой по металлическому ребру, прислушался к крошечному дрожанию корпуса. Двигатели коррекции орбиты отзывались мурашками в ладонях – где-то глубоко «Искатель» шептал свои числа.

– Дай мне сырые логи по инерциалам за последние сорок минут, – приказал он. – И маску магнитосферы.

– Есть, – ответил ИИ. На экране всплыли графики. Они были слишком чистыми, гладкими, как будто их подкрасили, чтобы не нервировать. Алексей хмыкнул, провел по одному графику ногтем. Оставил неглубокую царапину на защитной пленке.

– Красиво. Даже подозрительно. Вон там – фазовый шум. Мизер. Десятые доли наносекунды. – Компенсировано алгоритмом стабилизации, – ответил ИИ.

– Не компенсируй мне глаз, – буркнул Алексей. – Говори всё как есть. Простым русским языком, а то я не совсем понимаю ваших инерциалов.

В это время Лара сидела перед микроскопом. Она разложила перед собой тонкие прозрачные пластины – это были не образцы земли (их еще предстояло взять), а астрошлак с оболочки зонда-разведчика, прошедшего атмосферу Новой Геи сто лет назад. На поверхности чего-то, не похожего на пыль, сколами поблескивали крошечные включения – солевые? Метаболиты? Она думала о слове «идеально» и о том, что идеальность – всегда чей-то труд.

– Скажи мне, – произнесла она в пространство, и баритон в наушнике обернулся к ней. – Если планета так чиста, значит, кто-то убрал за ней? Такая стерильность невозможна без внешнего вмешательства.

– Вероятности распределены, – ответил ИИ. – Возможны: естественное развитие без индустриальных катастроф, искусственная терраформация, гипотеза заповедника или медленная эволюция. Наиболее правдоподобная на текущих данных – естественное развитие. Нам просто не хватает переменных.

– Ты скромничаешь, – сказала Лара. – Вероятность, что там есть жизнь, 98%, но то, что она разумна, стремится почти к нулю.

ИИ сделал паузу, словно обдумывая ответ.

– Если мы говорим о разуме в нашем, земном понимании, то да. На планете вряд ли есть существа с похожей скоростью мышления. Но если мы говорим о проявлении разума в целом, то существует множество гипотез – от разумных биосфер до электромагнитных скоплений в атмосфере. Пока со стопроцентной вероятностью можно говорить только о разуме земного типа. Биологическом. И искусственном.

Эмма тем временем забралась в самый светлый угол отсека, где иллюзию окна заливал белый луч лампы. Она покрутила в пальцах свой карандаш и сделала новую запись:

«Команда выходит из долгого сна. У каждого – своя мера вины, надежды и страха. Мы все тянем за собой Землю. Мы все смотрим вперед, но каждый – своей дорогой. Прибытие к Новой Гее – через восемь часов. Делаю ставки, что никто из нас сегодня до конца не готов».

Она специально выбрала карандаш и блокнот, вместо цифрового планшета. Её почему-то показалось, что это выглядит сакрально и метафорично, будто она составляет первую летопись.

Ближе к концу смены Марк остался один у панорамного экрана. Планета теперь занимала половину обзора. Он видел тонкие линии рек, которые тянулись к морям, как строки к краям книжной страницы. Видел световые всполохи в верхних слоях атмосферы

– Солнце Новой Геи было слегка с голубым оттенком и светило иначе, чем родное. В его ухе голос ИИ тихо озвучивал параметры орбиты, словно читал перед сном цифры, которыми можно укрыться как одеялом.

– Земля, – сказал Марк негромко, не заметив, как слово само сорвалось с губ. – Мы не вернемся. Но у нас появился новый дом.

Он не боялся этой мысли. Он простился с Землей еще там, среди дыма и шумящих экранов, по дороге на остров, где строилась станция. Его ничего не держало на планете, где у него отняли всё. Отняли те, кто больше всех кричал о спасении нации. И только один безумный миллиардер пошел на поступок, о котором, возможно, будут знать только они четверо.

– Марк, – позвала Эмма. Она стояла на пороге, держа в руке термокружку. – Пей. И послушай. Новая Гея – это не просто «Новая Земля». Там мы построим фундамент нового общества, укажем на ошибки прошлого и обеспечим будущей колонии жизнь без ядерных ракет и нефти, за которую рвали глотки тщеславные правители. Мы никогда не будем как они.

Он взял кружку. Тепло разошлось по пальцам, тронуло уголки губ легкой улыбкой. Они стояли рядом, молча слушая, как на невидимой коже корабля трепещет вакуум.

– Ты однажды сказал: «Дом там, где те, ради кого ты готов жить дальше». – Эмма смотрела на светлую дугу. – Так вот, нам всем есть ради кого.

– Ради кого, – повторил он.

– У тебя крепкая вера. У Лары – мир, который нужно понять. У Алексея – мир, который нужно обустроить. У меня – люди, которые будут там. – Эмма улыбнулась самой себе. – А у ИИ – его вероятности и стихи.

– У каждого – свой Бог и своя вера, – произнес Марк. – Так говорил мой отец.

Лара, сидевшая поодаль у микроскопа, не отрываясь от линз, тихо отозвалась:

– А мой отец всегда говорил, что у эволюции нет смысла. Как и у Вселенной. Мы просто щепки в реке, Марк. Никто не знает, к какому берегу нас прибьет.

Марк кивнул ее словам.

– Кстати, – добавил он уже по общему каналу, – у нас сегодня у всех как бы день рождения. Может, устроим праздник? И ещё... может, дадим имя ИИ?

– Пятьдесят на пятьдесят, – вмешался ИИ. – Вы можете каждый придумать мне имя, и я буду откликаться на то, которое вам удобно.

– Вот и молодец, – усмехнулся Алексей. – Я буду звать тебя Бармалей.

Смена сменяла смену. В какие-то минуты казалось, что время – сжатая перед прыжком пружина. В какие-то, что оно растягивается, как жевательная резинка, которую пытаются поде-

лить на четверых. За два часа до входа в гравитационную тень Лара принесла им список – аккуратный, без поэзии: первые пробы почвы, вода из трех источников, анализ пыльцы, запись звуков. Она почему-то добавила в конец: «Записать птиц, если они есть». И перечеркнула. Потом снова вписала – и уже не зачеркивала.

Алексей выгнал из системы все, что считал лишним. «Искатель» отозвался благодарностью – шум стал чище, вибрации – честнее. Инженер коротко выругался, когда снова нашел в логах крошечные скачки фазы.

– Бармалей, у нас миллиардная доля секунды расхождения между часами в носовом и кормовом узлах. Ты это видишь?

– Вижу. В пределах допус... – начал ИИ.

– Не говори это слово, – рявкнул Алексей. – Не надо.

– Уточняю: эффект может быть вызван неоднородностью магнитного поля планеты. Мы еще слишком далеко для иных объяснений.

– Угу. Слишком далеко, – пробормотал он.

Эмма, стоявшая рядом, нахмурилась и взглянула на свое запястье. Ее автономный медицинский хронометр – прибор с непогрешимой атомной точностью, не зависящий от корабельной сети, – отставал от бортового времени на семь секунд. Она проверила второй раз. Семь секунд расхождения. Для такого устройства это было физически невозможно. Она вздохнула, прикрыла часы рукавом и ничего не сказала. Слишком легко запугать себя числами.

Первый беглый обзор планеты в инфракрасном спектре показал русла рек, словно разгорающихся змей; горные хребты – как шрамы, которые кто-то переносит из века в век; дельты – как раскрытые ладони. Солнце Новой Геи выкатывалось к кромке, и свет в панорамном проеме стал теплым, как в кухне, где знают, что тебя ждут.

– Подтверждаю готовность к сближению, – сказал ИИ. – Запрошен коридор.

– «Арка», это «Искатель», – произнес Марк. Он наклонился ближе к микрофону, хотя знал, что это бессмысленно. – Подтвердите положение. Как наши ясли?

Связь вышла на общий канал. Материнская станция «Арка» ответила им тем же голосом ИИ – только глуховатым, с легким статическим эхом пространства:

– Все системы в норме. Ясли в криохранилище. Питание устойчивое. Полоса синхронизации – по плану. Добро пожаловать, «Искатель».

Лара прижала ладони к животу – привычное, почти суеверное движение. Она не была суеверной. Но была женщиной, которая десять лет своей земной жизни наблюдала, как медленно умирает лес; и теперь стояла в корабле над новой планетой, где леса еще дышали. Ей хотелось запомнить этот момент: как пахнет теплый пластик, как шумит вентиляция, как Марк говорит «добро пожаловать», будто их действительно кто-то там, внизу, ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.